

О некоторых западных теориях «реального социализма»

А. И. ФУРСОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,

ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА, Г. МОСКВА)

В статье анализируется применимость к советскому обществу («реальному социализму», «историческому коммунизму») теории тоталитаризма, объединяющей в рамки одного целого советскую («сталинскую») систему и Третий рейх («гитлеровскую систему»), а также интерпретации «реального социализма» как возрождения докапиталистического строя (феодализма или «азиатского» способа производства).

Автор показывает принципиальное различие между Третьим рейхом и СССР. В первом случае мы имеем капиталистическое общество с антагонистическими классами и буржуазией, частной собственностью, рынком, формальным, институционально зафиксированным разделением на публичную и частную сферы. Во втором — системный антикапитализм, отрицающий частную собственность, классовую эксплуатацию, «свободный рынок». Имелись и существенные идеологические различия, отражавшие принципиальное несходство социально-экономического строя. Советская идеология с ее универсализмом, установкой на прогресс, свободу, равенство, братство развивалась в рамках геокультуры Просвещения, представляя собой левый проект европейского Модерна. Нацистская идеология была партикуляристской на расово-этнической основе, отрицая Просвещение с его ценностями.

Попытка сторонников теории тоталитаризма в ее «красно-коричневой», т. е. объединяющей СССР и Третий рейх как «левую» и «правую» стороны одной сущности, спасти ее, упирая на наличие в обоих случаях тотального контроля, терпит крах. Во-первых, в СССР, в отличие от нацистской Германии, тотальный контроль так и не был достигнут. Во-вторых, тотальный контроль или стремление к нему характеризует большинство существовавших в истории структур — от Древнего Египта, традиционного Китая и абсолютистской Франции до современных корпораций. В таком случае тоталитаризм оказывается всемирным феноменом, а термин утрачивает свою научную состоятельность: тоталитаризм везде = тоталитаризм нигде.

«Красно-коричневая» версия концепции тоталитаризма представляется не просто ненаучной, но антинаучной и пропагандистской.

Ключевые слова: реальный социализм, исторический коммунизм, СССР, КПСС, Третий рейх, тоталитаризм, капитализм, докапиталистическое общество, «азиатский» способ производства.

I

Став в ноябре 1982 г. генеральным секретарем КПСС, Ю. В. Андропов произнес знаменитую фразу: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок» (Андропов, 1983: 294). В 1991 г. СССР и тот строй, который лежал в его основе, — «реальный социализм» — были разрушены. С тех пор прошло уже почти четверть века, однако фраза Ю. В. Андропова не утратила своей актуальности: у нас до сих пор нет адекватного теоретического осмысления советского коммунизма как исторической системы. Есть отдельные очень сильные работы (например, того же А. А. Зиновьева), а общей теории нет. Ее место заняли в основном некритически позаимствованные из западной социологии и политологии или даже из западных пропагандистских схем времен холодной войны концепции, которые напаяваются на со-

ветскую реальность подобно тришкину кафтану — с предсказуемым результатом. В то же время совершенно понятно, что без теоретического осмысления того строя, который просуществовал почти семь десятков лет в виде СССР, невозможно до конца понять ни русскую историю в целом, ни мировую реальность XX в., ни постсоветский социум, поскольку он является результатом разложения «реального социализма» или, как я предпочитаю именовать этот строй, «исторического коммунизма». Принципиальное значение в этом термине имеет определение «исторический». Оно подчеркивает, что речь идет о реально существовавшей в истории системе, а не о том образе, концептуальном или эмоциональном, который рисовали советские специалисты по научному коммунизму, с одной стороны, и западные советологи — с другой. Исторический коммунизм (далее — ИК) — это не то, что существовало на страницах книг, в текстах и первой стадией чего пропагандистски объявлялся социализм, а то, что существовало в советской реальности.

Однако прежде чем анализировать реальность, следует рассмотреть типовые схемы, объяснительные модели, которые предлагались для изучения «реального социализма» (ИК, советского общества). В данной статье речь пойдет о двух концептуальных моделях — тоталитаризма и советского коммунизма как возрождения докапиталистического социума (феодализм, «азиатский» способ производства).

II

После того как был разрушен СССР и бывшие советские специалисты по научному коммунизму разом и очень быстро обернулись политологами, социологами и т. п., доминирующее положение в объяснении того, чем было советское общество, заняла концепция тоталитаризма — в ее применении к советскому обществу не просто ненаучная и пропагандистская, а, как будет показано ниже, антинаучная, построенная на нарушении логики, принципов системности и историзма.

Термин «тоталитаризм» появился в Италии в 1920-е годы. В середине 1920-х Муссолини уже говорил об Италии как о «тоталитарном государстве» — термин указывал на всесторонний динамизм последнего.

Научный статус термину «тоталитаризм» придал американский профессор К. Дж. Хейес в лекции в 1939 г. (издана в 1940 г. в качестве статьи, см.: Hayes, 1940). Он охарактеризовал некоторые новые явления в политической жизни современного мира. Во-первых, Хейес провел четкую грань, отделяющую диктатуру (деспотизм, тиранию) от тоталитаризма как феномена современного, массового и — на первый взгляд парадокс — демократического. Хотя в качестве примеров тоталитарных обществ в статье наряду с гитлеровской Германией и муссолиниевской Италией упоминается сталинский СССР, в ней подчеркивается отличие от СССР как Германии и Италии, вместе взятых, так и отдельно Германии от СССР. И дело не только в том, что противопоставляются капиталистические общества антикапиталистическому. Тоталитаризм трактуется Хейесом как феномен западной цивилизации, как ее отрицание в ее же собственных рамках — прежде всего как отрицание буржуазной демократии (в самодержавной России последней, по сути, никогда не было, советский строй был отрицанием российского самодержавия и мирового капитализма). «Демократия может рухнуть, — пишет Хейес, — как это произошло в Германии и Италии, но именно следующая за этим диктатура делает переход к тоталитаризму завершенным» (там же: 97). При этом если Сталин, согласно американскому профессору, стремится построить совершенно новую цивилизацию, Гитлер остается в запад-

ных же, но иных, чем христианские, рамках: его цель — создать племенной тевтонский дохристианский мир (там же: 102) на современной, разумеется, технической основе.

Аналогичную мысль много десятилетий спустя высказал венгерский исследователь А. Силади. Он подчеркнул, что распространение в немецком обществе нацистской культуры с самого начала и до самого конца основывалось на рыночных принципах, связанных с западной цивилизацией и капитализмом, а Гитлер выстраивал свое лидерство на принципах предпринимательства и шоу-бизнеса. Сталин же никогда не действовал таким образом, он преподносил себя в качестве Бога или, как минимум, его сына (Силади, 1994).

В середине 1950-х годов К. Фридрих и З. Бжезинский, реагируя на конъюнктуру холодной войны, распространили термин «тоталитаризм» на СССР, на советское общество, представив коммунизм и национал-социализм, сталинизм и гитлеризм в качестве двух форм одного и того же содержания, двух вариантов одного и того же явления. По сути, это был один из первых шагов в психоисторической операции по приравниванию СССР к Третьему рейху, «сталинизма» — к нацизму. Большую роль в создании «красно-коричневого» мифа сыграли Х. Арндт, Э. Нольте и ряд других. К нам схема «тоталитарный СССР» стала проникать в 1960-е годы по диссидентской линии; ее активно использовали «прорабы перестройки», а затем либералы и прочие антисоветчики. При этом нельзя сказать, что в самой западной науке термины «тоталитаризм», «тоталитарный» прижились; большее распространение они получили в журналистике и пропаганде.

Наиболее слабое место концепции тоталитаризма, объясняющей одновременно Третий рейх и СССР и рассматривающей их всего лишь как «правую» и «левую» версии одной и той же сущности, заключается в следующем. Третий рейх был капиталистическим обществом со всеми его атрибутами — частной собственностью, свободным рынком, классами буржуазии и пролетариата, разделением публичной и частной сфер и т. п. Советский Союз был антикапиталистическим обществом, которое самим фактом своего существования отрицало частную собственность, рынок как доминирующую форму, буржуазию как класс, разделение (по крайней мере в теории) на публичную и частную сферу. Иными словами, речь идет об обществах, которые суть антиподы по отношению друг к другу. И если мы именуем тоталитарным СССР, то мы не имеем права употреблять этот термин по отношению к Третьему рейху, и наоборот; разумеется, если мы хотим остаться в рамках элементарной логики.

Я уже не говорю о принципиальном различии в идеологии. В одном (советском) случае — это универсализм, интернационализм, в другом (нацистском) — это партикуляризм, национализм, расизм. В одном случае — «свобода, равенство, братство», в другом — полное отрицание этой триады с классовых и расовых позиций. Понятно, что идеология сама по себе — не первостепенный показатель, но в обоих случаях она концентрированно выражает принципиально различную системную суть советского и нацистского обществ. К тому же советский проект развивался в русле геокультуры Просвещения, а нацистский — как ее (и его) отрицания.

Капитализм — антикапитализм суть явные различия, бросающиеся в глаза. Обращу внимание на менее явное, но тем не менее весьма показательное. Речь о различиях в сфере публично-частных и правовых отношений — различиях, в которых проявляется и выражается различие социально-экономических систем, вместе никак не поме-

щающихся в прокрустово ложе модели «тоталитарное общество». Суть в следующем. В соответствии с законом от 1 декабря 1933 г. Национал-социалистическая рабочая партия Германии (нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei; NSDAP — далее НСДАП) характеризовалась как «корпорация публичного права», т. е. была публично-правовым институтом, тогда как РКП(б) — ВКП(б) — КПСС таковым никогда не были. Еще в 1918 г. большевики устами Ленина заявили, что не признают разделения общества (и права) на публичную и частную сферы, отрицают право как таковое и признают лишь одно «право» — диктатуру пролетариата, право его борьбы против эксплуататоров. Не будучи в отличие от НСДАП правовым институтом, КПСС не могла быть и юридическим лицом, т. е., помимо прочего, выступать в качестве собственника (а не просто распорядителя имущества). Это очень хорошо понимали сами руководители КПСС. В секретной (на имя генсека КПСС) памятной записке «О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии» от 23.08.1990 г. (документ № 15703) на странице 2 прямо указывается на то, что «значительная часть находящегося в распоряжении партии имущества остается юридически незащищенной», что, «как свидетельствуют уроки компартий Восточной Европы, непринятие своевременных мер по оформлению партийного имущества применительно к требованиям коммерческой работы и включению его в нормальный хозяйственный оборот, особенно в условиях перехода к рынку, неминуемо грозит тяжелыми последствиями для партии».

Ну а дальше в документе формулируется следующая задача: «Потребуется соблюдение разумной конфиденциальности и использование в ряде случаев анонимных форм, маскирующих прямые выходы на КПСС. Конечная цель, по-видимому, будет состоять в том, чтобы наряду с “коммерциализацией” имеющейся в наличии партийной собственности планомерно создавать структуры “невидимой” партийной экономики, к работе с которой будет допущен узкий круг лиц, определяемый Генеральным секретарем ЦК КПСС или его секретарем».

Затем на странице 3 следует перечень «неотложных мер», которые заслуживают внимания, демонстрируя внеправовой характер власти в рамках коммунистического строя:

«— подготовить предложения о создании каких-то новых “промежуточных” хозяйственных структур (фонды, ассоциации и т. п.), которые при минимальных видимых связях с ЦК КПСС могли бы стать центрами формирования невидимой партийной экономики;

— безотлагательно приступить к подготовке предложений об использовании анонимных форм, маскирующих прямые выходы на КПСС, в развертывании коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии;

<...>

— рассмотреть вопросы о создании контролируемого ЦК КПСС банка с правом ведения валютных операций, об участии партии своими валютными ресурсами в капитале оперирующих в международном масштабе фирм, контролируемых хозяйственными организациями друзей. Для обеспечения внешнеэкономической деятельности следовало бы также безотлагательно начать аккумуляцию на отдельном счете КПСС партийных взносов заграничных учреждений;

— провести консультации с Госснабом СССР по вопросу об использовании для внешнеэкономического сотрудничества партии советского имущества, остающегося после вывода советских войск из Чехословакии, Венгрии, ГДР».

Люди, находящиеся у власти, планируют создание нелегальных и полунелегальных экономических структур. И это соответствует нелегальному, внезаконному — даже по «советскому праву» — характеру самой КПСС. Дело в том, что в СССР организация могла существовать, т. е. быть юридическим лицом, если ее разрешало государство. Была только одна организация, которую государство не разрешало, — напротив, это она «разрешила» государство. Она — КПСС и ее карающий меч — КГБ. Внезаконность КПСС как сила обернулась в конце 1980-х слабостью. Отсюда — содержание цитировавшейся памятной записки.

В Третьем рейхе право сущностно не отрицалось — оно могло нарушаться, игнорироваться, но принципиально не отрицалось. Все зверские меры нацистского режима, преступления против человечности, как правило, имели правовое оформление. Иными словами, само по себе наличие права не есть гарантия торжества добра и гуманизма.

Аналогичным образом наличие иных, кроме правовых, форм регуляции поведения не означает автоматически торжества произвола. В русской традиции господствующую роль играли как раз не правовые формы, а властные и моральные, причем предполагалось, что власть в отношении населения будет (должна) руководствоваться именно моральными. В этом плане отрицание советским строем буржуазного права с его разделением на публичную и частную сферы в целом соответствует русской традиции, анти- и внекапиталистической, антибуржуазной по своей сути, воспроизводит ее, хотя и весьма специфическим образом.

Для Германии, будь то кайзеровская, веймарская и нацистская, право — фетиш (и это говорит о том, что Третий рейх развивался в рамках буржуазной немецкой традиции). Об этом красноречиво свидетельствует следующая история. В 1938 г. владельцем дома был партайгеноссе комарад Поммер. Борман хотел выкупить дом. Однако Поммер запросил цену, намного превышающую ту, что предложил Борман. Что сделал Борман? Стер Поммера в лагерную пыль? Отправил на цугундер? Приказал «случайно» переехать автомобилем? Нет. Борман отправил к Поммеру партайгеноссе доктора Вееземайера. Последний предложил более высокую цену, чем в первый раз, однако Поммер стоял на своем. «На такие ухищрения способны только восточные евреи», — пытался устыдить товарища по партии Вееземайер. Но на Поммера это не подействовало. Понадобились вызовы Поммера в местную парторганизацию, где нацистский парторг и нацистские товарищи по партии увещевали владельца дома, объясняя ему: дом фюрера принадлежит народу. И только после этого партайгеноссе Поммер уступил. Разумеется, в цене, а не вообще.

Число примеров подобного рода можно увеличить — это следствие по делу участников покушения на Гитлера 20 августа 1944 г. и суд над ними; отношения фюрера с налоговой инспекцией; история решения вопроса о материальном обеспечении второй семьи Гитлера и т. д. Гитлеровский режим не разрушил ни старую социальную структуру, ни, повторю, гражданское общество и правовую систему. Разумеется, и гражданское общество, и право в нацистской Германии были ограничены; контроль существовал как в идеологической, так и в политической сферах, но сами эти сферы сохранились, сохранилась и возможность маневра в них, в том числе и в смысле неприятия режима — примеров тому достаточно в различных исследованиях — от «Бегемота» Ф. Ноймана (Neumann, 1944) и «Двенадцатилетнего рейха» Р. Грунбергера (Grunberger, 1971) до «Взлета и падения Третьего рейха» У. Ширера (Shirer, 1950). Да и биографию К. Аденауэра можно вспомнить.

Наконец, *last but not least*, широко известна антихристианская позиция как гитлеровского, так и сталинского режимов. Но какая большая разница! Антихристианство гитлеровского режима, его верхушки, обусловленное причинами как идейными (кровь, раса, почва — все это противоречило христианскому универсализму), так и политическими (только партия может воспитывать народ, единая церковь — опасность для рейха; Мартин Борман, еще в 1934 г. покинувший протестантскую церковь¹ и даривший детям на Рождество книги антихристианского содержания, считал, что после победы надо избрать нескольких пап, чтобы они оспаривали власть друг у друга). Однако вера не становилась препятствием для карьеры, по крайней мере на государственной службе. Например, весной 1945 г. командующим группы армий «Висла», которая должна была отражать советские атаки на Одере, Гитлер назначил генерал-полковника Хайнрици. Генерал был глубоко религиозным человеком и не скрывал этого, и фюрер активно не любил его. Тем не менее Гитлер назначил именно его, поскольку Хайнрици был известен как блестящий организатор обороны.

Можно ли представить советского генерала, не скрывающего свою религиозность? Или представить, что Сталин осенью 1941 г. мог назначить верующего военачальника защищать Москву? Ответы очевидны.

Нередко сторонники объединенной, «красно-коричневой» модели тоталитаризма утверждают, что главное в этой модели и якобы побивающее все контраргументы — это тотальный контроль государства над обществом и личностью. Если принять такой подход, то тоталитарным у нас оказывается весь Восток — от глубокой шумерско-египетской древности до XIX в., а значительная его часть и в XX в.; тоталитарными оказываются Римская империя и держава Чингисхана, политики ацтеков, инков, части Африки. Апофеозом тоталитаризма могут считаться и современные корпорации с их контролем над поведением, мыслями, личной жизнью и даже манерой одеваться (дресс-код) своих сотрудников. Тоталитаризм всегда и везде. Но в научно-понятийном плане это означает «никогда и нигде», поскольку при подобной широте, характерной для логики «красно-коричневой» интерпретации тоталитаризма, термин «тоталитаризм» полностью утрачивает содержание.

Значит ли это, что термин «тоталитаризм» нужно вообще отбросить? Нет, не значит, но нужно четко определить, т. е. определите его значение, поставить предел его вводу в дурную широту. Тоталитаризм следует определять в паре с авторитаризмом. Если авторитаризм есть ограничение государством гражданского общества в сферах политики и отчасти идеологии, то тоталитаризм — это ограничение государством гражданского общества в сферах политики, идеологии и частично идеологии. Оба режима, однако, не отменяют ни капитализм, ни частную собственность, ни буржуазное право, ни само гражданское общество, которое они ограничивают. ИК отрицает капитализм полностью — вместе с частной собственностью, рынком, буржуазным правом, государством и гражданским обществом. ИК предполагает наличие такой власти, в которой противоречие между государством и обществом снимается и в результате этого снятия возникает народовластие. Другое дело, что в обществе реального социализма противоречие возникает, причем по мере развития этого общества оно обостряется, между персонификаторами, функционерами народовластия и самим народом. Формально подсистема этих персонификаторов и в СССР называлась государством — другого термина не придумали. Однако содержательно это принципиально иная сущность по сравнению с государством (*state*). Принципиальное различие, о котором идет речь, можно выразить на языке даже марксистской традиции, не говоря

о других. В капиталистическом социуме, как неоднократно подчеркивал в своих выступлениях В. В. Крылов, государство, даже если и выступает вторичным собственником, все равно остается элементом надстройки, тогда как в ИК — системно-антикапиталистическом социуме то, что мы именуем государством, есть не просто первичный, а единственный собственник, т. е. совпадают власть и собственность, государство и класс («государство-класс»), а потому социалистическое государство есть уже не надстроечный, а базисный феномен.

С точки зрения этого различия становится ясной ошибочность целого ряда интерпретаций советскими исследователями 1960–1970-х годов различия между некапиталистическим и капиталистическим путями развития в третьем мире. В обоих случаях фиксировалось наличие мощного госсектора, а различие пытались свести к размеру занимаемой им части экономики, и никак не могли определить количественную границу. На самом деле мир, как говаривал Эйнштейн, — понятие не количественное, а качественное различие следует искать в базисности *versus* надстроечности «госсектора» (повторю, если пользоваться марксистским языком).

В сухом остатке: «красно-коричневая» модель тоталитаризма и тоталитарная интерпретация советского общества не выдерживают научной критики.

III

Несколько менее распространена, но в значительной степени сохраняет свое влияние теоретическая интерпретация ИК как возрождения той или иной докапиталистической системы («восточное гидравлическое общество» К. Виттфогеля), того или иного докапиталистического (чаще всего «азиатского») способа производства. Или же возрождение «восточного деспотизма», «абсолютизма».

На сходство советского социума с восточными деспотиями прямо указывал французский коммунист-диссидент Р. Гароди; туманно намекали на такое сходство некоторые сторонники теории «азиатского» способа производства в дискуссии 1960-х годов «об общем и особенном в историческом развитии Востока», прячась за формулировкой «государство-класс». Кстати, одной из главных причин, по которым власть (до 1986 г.!) негативно относилась к интерпретациям истории Востока с позиций «азиатского» способа производства (АСП), и было внешнее сходство АСП-социумов с советским обществом (наличие «государства-класса», т. е. государства без частной собственности, т. е. не «по Энгельсу»). На самом деле советские чиновники от «идеологии» зря беспокоились: сходство носит исключительно внешний характер, за которым скрывается совершенно различное социальное содержание. Что с того, что акула, ихтиозавр и дельфин похожи по форме и живут в воде? Ведь перед нами представители разных стадийальных классов живых существ: рыба, пресмыкающееся и млекопитающее.

Сегодня сторонники «докапиталистической» интерпретации коммунистического строя подчеркивают значение внеэкономических факторов при коммунизме, всеохватывающую роль государства, нерасчлененность «государственных» (властных) и «классовых» (собственнических) функций господствующей социальной общности, квазитрадиционный характер социальных структур, значение «национальных» (читай: докапиталистических) традиций: русских, китайских, вьетнамских и т. п. в возникновении «реального социализма». Это в марксистской традиции.

В либеральной традиции речь идет примерно о том же, но в других терминах: трудности перехода от традиционного общества к современному, деформированный *take-*

off, проблемы «частичной модернизации» и догоняющего развития, возрождение (нео)традиционного общества, «неопатримониального режима» и т. д. и т. п.

Действительно, внешне коммунистический строй может напоминать докапиталистические социальные системы. Более того, внешне он, может показаться, даже как бы воспроизводит черты некоторых из этих систем: неорабство (ГУЛАГ); некрепостничество (колхозы); неополис (КПСС/КГБ), противостоящий как коллектив атомизированному населению, «одинокой толпе» полусвободных и неполноправных коммунистических «метеков» и «периеков» — причем противостоящий так, что, как сказал бы мой покойный учитель В. В. Крылов, индивидуальная воля членов этой господствующей группы ограничена (от поведения до объема и качества потребления) их совокупным бытием в качестве коллектива. Именно это противоречие, помимо прочих, было одним из главных в историческом развертывании номенклатуры, именно оно, разрешившись, привело к перестройке, гласности и крушению «исторического коммунизма».

Однако на самом деле во всех этих формах — «неорабство», «некрепостничество», «неополис», — как и в коммунизме в целом, заключено еще меньше докапиталистического, чем в докапиталистических функциональных органах капиталистической системы — плантационном рабстве североамериканского Юга, латиноамериканской латифундии и т. п., созданных капитализмом там, где до него их не было.

Аналогии между коммунизмом и докапиталистическими обществами представляются поверхностными по ряду причин.

Во-первых, коммунизм — это антикапитализм. Иными словами, капитализм со знаком «минус», отрицание капитализма, негативный функциональный антикапитализм. В истории есть один парадокс, на который до сих пор почти не обращают внимания. «Идеальный коммунизм», т. е. коммунистические идеи, существовал в течение более чем двадцати веков (грубо говоря, с киников), а коммунизм как социально-экономическая система, как «реальный коммунизм» возник только в XX в., в капиталистическую эпоху — как антикапитализм. В реальность коммунистические идеи воплотились только как антикапиталистическая система. «Исторический коммунизм» нигде не существовал как отрицание рабовладения или феодализма — как антирабовладение и антифеодализм. Только как антикапитализм. Это, помимо прочего, означает, что в самом капитализме, его социальной природе, в логике развертывания капитала есть нечто, что позволяет ему, по крайней мере на определенной стадии его развития, существовать одновременно со знаком «плюс» и со знаком «минус».

Более того, не просто позволяет, а в какой-то степени требует этого, в результате чего возникает некий вакуум, зона для антимира, антисистемы. Россия — в форме СССР — заняла эту зону и реализовала себя в XX в. в качестве антикапитализма. Коммунизм невозможно понять вне и без капитализма, с которым он связан *функционально* и *генетически*. Другой вопрос — почему и как именно Россия в современном мире заполнила зону антисистемы, закрыла социальную «озоновую дыру» в мировой системе капитализма, реализовала антикапиталистическую возможность, разыграв драму антикапиталистической революции на своем, содержательно ином, чем капиталистический, материале.

Но жизнь и русская судьба
Смешали клочки, стерли грани:
Наш «пролетарий» — голытьба,
А наши буржуа — мещане.

Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.

М. Волошин

Грезы, розыгрыши русской судьбы, русского содержания под чужими (капиталистическими) именами и как чужой (капиталистической) функции — это уже проблема развития русской истории, особого субъекта исторического развития — русской власти. Коммунизм возникает на пересечении двух этих систем и их центральных элементов и системообразующих субъектов — капитала и русской власти, которая при этом пересечении, столкновении становится Антикапиталом. Но это особая тема. Здесь имеет смысл ограничиться фиксацией проблемы и сконцентрироваться на вопросе функционального негативизма коммунистического строя по отношению к капитализму.

Местные традиции, национальные особенности, докапиталистическое прошлое — все это, конечно же, налагает отпечаток на ИК, равно как и на другие явления капиталистической эпохи. Однако ошибочно выводить коммунизм, его суть из этих традиций и особенностей. У России (СССР) и Кубы, ГДР и Кампучии разные исторические судьбы и несходное историческое прошлое. Однако суть коммунизма, организация «властесобственности» как социально однородного присвоения типологически была принципиально одинаковой во всех указанных случаях. Именно функциональный антикапитализм, функциональное отрицание капитализма и придает единообразие, изоморфность комстрою везде, где бы он ни существовал, — от ГДР до Кампучии, — независимо от содержания, от уровня развития материального производства, предметно-вещественных производительных сил данной страны. *Исходно, генетически* коммунизм невозможен вне государственной системы, без определенного уровня развития «вещественной субстанции» (хотя и слишком высокий уровень не нужен, мешает коммунистической революции — в *этом* смысле Ленин был прав, говоря о «слабом звене»), возникает он как альтернативная капитализму форма организации индустриальных производительных сил, как принципиально иная форма организации социальных производительных сил индустриального общества. Однако дальнейшее развитие и функционирование антикапиталистической системы как мировой уже не требует повсеместного наличия индустриальной формы вещественной субстанции промышленности, пролетариата и т. п. Достаточно функционального отрицания форм и типов буржуазной общественно-политической практики, ее институтов, включая государство, норм и ценностей самих по себе, в результате которого докапиталистические уклады становятся антикапиталистическими, т. е. капиталистическими в своей негативной форме. В качестве средства отрицания капитализма используются идейные и организационные формы, выработанные самим капиталистическим обществом и против него же обращенные (государство, политика, партии, марксизм и т. п.). Повторю: именно этот *функциональный* антикапитализм, автономный от *содержания*, является системообразующим фактором ИК.

Во-вторых, ИК *типологически* — это промышленное, индустриальное, в лучшем случае — индустриально-аграрное общество. Или иначе: с технологической точки зрения «реальный социализм» — одна из разновидностей индустриальной модели общества. Но такая постановка вопроса верна лишь при узкотехнологическом подходе. С социосистемной точки зрения следует говорить о капиталистической и антикапиталистической системах, производственно-технической основой которых является индустриальное производство.

Тот факт, что в некоторых странах Азии, Африки и Латинской Америки ИК *исторически* возник и развивался на аграрной, доиндустриальной основе, не меняет *типологическую* «модельную» суть дела. Без советского коммунизма, без СССР как военно-промышленного тыла (и центра мирового коммунистического движения и мировой коммунистической системы) аграрные, «доиндустриальные» коммунизмы не смогли бы существовать. Мировой коммунизм мог возникнуть, развиваться и противостоять капитализму («империализму») только на индустриальной основе, только находясь с ним в одной «военно-промышленной лиге». Быть аграрной, доиндустриальной могла позволить себе лишь коммунистическая периферия — «конфуцианский», «сахарно-банановый», «пальмово-веточный» и прочие коммунизмы. Центр, ядро должны были иметь крепкую броню, быстрые танки, а на запасном пути — бронепоезд. Именно этим обеспечивалось («дышало») спокойствие наших, и не только наших, границ.

Разумеется, индустриализация при коммунизме носит форсированный и в известном смысле ограниченный, «вэпэкашный» характер, не ориентированный на массовое потребление. Но ведь это естественно. Главная задача и принцип существования ИК — отрицание капитализма, противостояние ему, борьба с ним. Каковы цели и задачи — такова и индустриализация, ее направленность. Для темы данной работы важно, что коммунизм — индустриальное общество, точнее, его вариант.

В-третьих, коммунизм — современное (в смысле — *modern*) общество. По принципам и типу социальной организации, семьи, образования и т. д. это, бесспорно, современное, а не традиционное общество. Или — точнее: *одна из разновидностей* современного общества, отличающаяся как *целостность* от *любой разновидности* общества традиционного. Любые попытки записать ИК содержательно в деревенско-общинные, дгородские рамки, как это делают некоторые исследователи, в частности С. Г. Кара-Мурза, искажают историческую реальность и представляют собой серьезную теоретическую погрешность, в основе которой — отказ от анализа реальных противоречий советского общества и специфики власти в системе ИК. Деревенско-общинная трактовка ИК не только ошибочна, но объективно принижает достижения СССР/ИК и его всемирно-историческое значение.

Наконец, в-четвертых, ИК — не просто современное, но массовое общество, что, конечно же, не является докапиталистической характеристикой. Другое дело, что, будучи массовым обществом, комстрой (в том же СССР) так и не стал обществом массового потребления, и в этом заключается одно из серьезных его противоречий. Советская система, как заметил В. А. Семенов, умела «делать штучный товар, концентрироваться на отдельной задаче, добиваться определенной цели, заставлять мозги работать на себя. Но как только доходило до дела, где решающим звеном становился средний человек, то ничего не получалось. Советский Союз впервые сломал зубы на массовой продукции — персональных компьютерах, автомобилях для каждого. Этот перечень можно продолжать» (Семенов, 1991: 4).

«Массовое общество» без массового потребления — это процесс и прямой результат антикапиталистического строя, его функционального негативизма по отношению к капитализму. Все это никак не укладывается в «докапиталистическую интерпретацию».

Сходство ИК с докапиталистическими обществами есть сходство некапиталистических форм, т. е. негативное сходство (родство) в рамках не-капитализма, сходство двух явлений относительно третьего, заключающееся в том, что они не являются этим

третьим и этим похожи друг на друга. Однако *такая*, т. е. отрицательная похожесть, не ставит их положительно в ряд однокачественных явлений. Так, птицы и рептилии — не млекопитающие, но это не значит, что птицы и рептилии относятся к одному классу.

Кроме того, как уже говорилось, если в основе коммунизма лежат индустриальные производительные силы, то в основе «докапитализмов» — натуральные производительные силы, т. е. такие, в которых природные факторы производства доминируют над искусственными (исторически созданными), а живой труд — над овеществленным. В докапиталистических обществах типа АСП недифференцированность («сращенность») или слабая дифференцированность власти и собственности («единство государственности и классовости»), которые противостояли труду не порознь, а как единое однородно-целостное присвоение, есть исходный пункт («еще-невычлененность»), положительное качество, положительная предпосылка развития, положительный процесс. «Властесобственность», т. е. однородно-целостное присвоение в «историческом коммунизме», есть исторический результат и исторический процесс отрицания капитализма. Комстрой есть осуществление «властесобственности» антикапиталистическим путем, путем отрицания, а не положительного осуществления. С этой точки зрения «докапитализмы» первичны и субстанциональны, а ИК — вторичен и функционален. «Докапитализмы» были самостоятельными социальными системами, способами производства, если пользоваться марксистским термином. ИК таким — с этой точки зрения — никогда не был. Как модель общественного развития он всегда был негативной функцией капиталистической системы, капиталистического способа производства на определенной стадии его развития. Таким образом, подход к коммунизму как одной из разновидностей «докапитализма» не выдерживает критики как в плане методологическом и понятийном, так и в плане соответствия реальности, т. е. и «номиналистически», и «реалистически».

ИК есть явление капиталистической системы и капиталистической эпохи; и если стадияльно он, возможно, располагается не дальше от мира докапиталистических социумов, чем сам капитализм, т. е. является не столько «посткапитализмом», сколько «паракапитализмом», функционально, по «принципу конструкции», типу и хронозоне возникновения он — по другую сторону от капитализма.

IV

Последнее по счету, но не по значению: и «тоталитарная», и «докапиталистическая» интерпретации ИК призваны решить пропагандистско-психоисторическую задачу: отнести ИК к темной стороне Модерна вместе с национал-социализмом и Третьим рейхом и (или) оттеснить его далеко в историю, представив как нечто несовременное. Для верхушки мирового капиталистического класса, затеявшей новый глобальный передел и демонтаж капитализма с целью создания предельно неэгалитарного и несвободного общества неокастового/неорабовладельческого типа очернение и окарикатуривание единственной в истории системной альтернативы капитализму, единственной, основанной на идеях социальной справедливости и равенства альтернативе миру угнетения и эксплуатации, становится важнейшей задачей. При этом бросается тень на всю русскую историю, пиком, мировой фазой которой стал ИК. В связи с этим борьба с таким очернением и окарикатуриванием есть не только научная задача, но вопрос психоисторической, цивилизационной и геополитической борьбы за право остаться в истории — физически, т. е. остаться самими собой.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ По иронии (или реваншу?) судьбы его сын, тоже Мартин, стал рьяным католиком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андропов, Ю. В. (1983) Избранные речи и статьи. 2-е изд. М. : Политиздат. 320 с.
- Силади, А. (1994) Тоталитарные культуры в XX веке: религия и рынок // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 151–166.
- Семенов, В. А. (1991) Советская система и массовая продукция // *Покупатель*. № 11. С. 3–10.
- Grunberger, R. (1971) *The 12-Year Reich: A Social History of Nazi Germany, 1933–1945*. N. Y. : Ballantine Books. 602 p.
- Hayes, C. J. H. (1940) *The Novelty of Totalitarianism in the History of Western Civilization* // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 82. No. 1. Symposium on the Totalitarian State. P. 91–102.
- Neumann, F. (1944) *Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism, 1933–1944*. N. Y. : Oxford University Press. 649 p.
- Shirer, W. L. (1950) *The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany*. N. Y. : Fawcett Crest. 1599 p.

Дата поступления: 30.05.2014 г.

ON SOME WESTERN THEORIES
OF “REALLY EXISTING SOCIALISM”

A. I. FURSOV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES,
THE INSTITUTE OF SYSTEM AND STRATEGIC ANALYSIS, MOSCOW)

The article deals with the problem of the applicability of two theories of Western social and political science to the Soviet society (“really existing socialism”, “historical communism”). These are the theory of totalitarianism and the interpretation of the Soviet society which treats it as a resurrection of a pre-capitalist order — either feudalism or the “Asiatic” mode of production.

The article shows a critical qualitative distinction between the Third Reich and the USSR. The former belonged to the capitalist system, it was a bourgeois society with antagonistic classes — the bourgeoisie and the proletariat, with private property, market, formal and institutionalized differentiation of social life into public and private spheres. In the latter case, we have systemic anticapitalism, a socialist society based on the negation of private property, class exploitation and free market. There was also a significant dissimilarity between the two ideologies, which reflected crucial differences in the nature of respective social orders.

The Soviet ideology was part and parcel of the Enlightenment geoculture and represented the left project of the European Modern. The Nazi ideology had a particularistic nature of a racist-ethnic kind; it negated the Enlightenment and its values.

The attempt of the proponents of totalitarian theory in its “red-brown” version (i.e. the version which equates the USSR and the Third Reich as just the “left” and “right” sides of one and the same “totalitarian coin” using the argument of “total control”) to save it fails on several counts. First, in the USSR — in contrast to Nazi Germany — total social control was not achieved. Secondly, the so-called “total control” or the will to establish it is characteristic for most social structures in history, from ancient Egypt, traditional China and absolutist France to contemporary corporations. In such case, totalitarianism would appear as universal all-historical phenomena, and the term/concept itself loses its scientific character: totalitarianism everywhere = totalitarianism nowhere.

“Red-brown” version of totalitarianism is not just a nonscientific scheme, but an antiscientific and a propagandist one. Its aim is to equate the USSR and Nazi Germany to be able to blame the USSR for unleashing the Second World War. But the main aim is to conceal and to blacken the only real alternative to capitalism in history — the Soviet order based on the ideas of social justice and equality.

These features were determined by the evolution of Russian history and by its logic which negated capitalism.

One more inadequate interpretation is the “real socialism” as a resurrection of pre-capitalist order — of feudalism or “Asiatic” mode of production (“oriental despotism”). First, in contrast to pre-capitalist societies, the USSR was an anticapitalist society. While capitalism was born out of one of pre-capitalist societies — the feudal one, “real socialism” emerged on the basis of capitalism as its negation. It was capitalism with a “minus” sign. Secondly, “real socialism” was a highly developed industrial society. Thirdly, it was a modern and not a traditional society, with modern institutions, education, technology, type of family etc. Fourthly, the USSR was a “mass society”, i.e. the society in which individuals formed their collectivities, while in pre-capitalist society it had been this or that form of collectivity (*Gemeinwesen*) which had defined an individual.

A superficial similarity between historical communism and “pre-capitalisms” is of a negative character — all of them are noncapitalist forms. But this does not mean they belong to a qualitatively one and the same class. Birds and reptiles are not mammals, but it does not bring them together in one and the same class of living creatures.

Keywords: “really existing socialism”, historic communism, USSR, CPSU, Third Reich, totalitarianism, capitalism, pre-capitalist society, “Asiatic” mode of production.

REFERENCES

Andropov, Yu. V. (1983) *Izbrannye rechi i stat'i* [Selected Speeches and Articles]. 2nd edn. Moscow, Politizdat Publ. 320 p. (In Russ.).

Siladi, A. (1994) Totalitarnye kul'tury v XX veke: religija i rynek [Totalitarian Cultures in the 20th Century: Religion and Market]. *Obschbestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 151–166. (In Russ.).

Semenov, V. A. (1991) Sovetskaia sistema i massovaia produktsiia [Soviet System and Mass Production]. *Pokupatel'*, no. 11, pp. 3–10 (In Russ.).

Grunberger, R. (1971) *The 12-Year Reich: A Social History of Nazi Germany, 1933–1945*. New York, Ballantine Books. 602 p.

Hayes, C. J. H. (1940) The Novelty of Totalitarianism in the History of Western Civilization. *Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. 82, no. 1, Symposium on the Totalitarian State, pp. 91–102.

Neumann, F. (1944) *Bebemoth: The Structure and Practice of National Socialism, 1933–1944*. New York, Oxford University Press. 649 p.

Shirer, W. L. (1950) *The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany*. New York, Fawcett Crest. 1599 p.

Submission date: 30.05.2014.

Фурсов Андрей Ильич — кандидат исторических наук, директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, директор Института системно-стратегических исследований, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия), член Союза писателей России. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6. Тел.: +7 (499) 374-59-61. Эл. адрес: rusint@bk.ru

Fursov Andrey Ilyich, Candidate of History, Director, Centre of Russian Studies, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Director, Institute of System-Strategic Studies; Member, International Academy of Science (Innsbruck, Austria); Member, Union of Writers of Russia. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-59-61. E-mail: rusint@bk.ru